

<https://doi.org/10.18500/0320-961X-2023-21-191-206>
Античный мир и археология. 2023. Вып. 21. С. 191–206.
Ancient World and Archaeology. 2023. No. 21. Pp. 191–206.
<https://ama.sgu.ru/ru>
Научная статья
Article
УДК 94(37)+929[Катилина+Гай Антоний Гибрида]

АНТОНИЙ ГИБРИДА И ЗАГОВОР КАТИЛИНЫ*

Д.Д. Дымская

Библиотека Российской академии наук, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Биржевая линия, 1.

Дымская Дарья Дмитриевна, научный сотрудник, кандидат исторических наук, cromwell@inbox.ru.

Аннотация: в статье дан анализ роли Гая Антония в событиях 63 г. до н.э. Автор приходит к следующим выводам: несмотря на соглашение с Цицероном, предполагавшее передачу ему после консульства богатой провинции Македония, Антоний рассматривал и другие пути избавления от долгов. Заинтригованный обещаниями Катилины и находившийся под влиянием своего родственника Лентула Суры, он мог принимать участие в собраниях катилинариев, но отдалился от них, как только увидел, что дело становится бесперспективным. Поскольку Катилина пользовался популярностью у должников, в том числе и у Антония, а также из-за их союза, заключенного накануне выборов на 63 г. до н.э., Гибрида считался другом Катилины и поэтому находился под подозрением. Не желая рисковать, он в частном порядке дал понять Цицерону, что его связи с катилинариями остались в прошлом. Оратор убедил сенат в лояльности Антония и впоследствии прославил своего коллегу как героя. Его резкая оценка деятельности Гибриды в речи в защиту П. Сестия была обусловлена не событиями 63 г. до н.э., а политической борьбой, развернувшейся в 50-х гг. до н.э., когда поведение Цицерона во время консульства встретило резкую критику, и он был вынужден защищать собственные решения и действия своих соратников, одним из которых был П. Сестий, квестор Антония. Также возможно, что на восприятие роли последнего в событиях 63 г. до н.э. могла повлиять и дальнейшая вражда между Цицероном и племянником Гибриды Марком Антонием.

Ключевые слова: история Рима, Поздняя республика, заговор Катилины, Гай Антоний Гибрида.

Для цитирования: Дымская Д.Д. Антоний Гибрида и заговор Катилины // Античный мир и археология. 2023. Вып. 21. С. 191–206. <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2023-21-191-206>.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

ANTONIUS HYBRIDA AND CATILINARIAN CONSPIRACY

D.D. Dymskaya

Library of the Russian Academy of Sciences, 1, Birzhevaya liniya, Saint-Petersburg, 199034, Russia.

* Мы хотели бы выразить благодарность к.и.н. А.В. Короленкову за ценные рекомендации, высказанные в ходе работы над статьей. Все ошибки и недочеты исключительно на нашей совести.

Dymskaya Daria Dmitrievna, Candidate of Historical Sciences, research associate, cromwell@inbox.ru.

Abstract: the paper analyzes the role of Caius Antonius in the events of 63 BC. The author comes to the following conclusions: despite the agreement with Cicero, which assumed the transfer the rich province of Macedonia to him after the consulship, Antonius considered other ways to get out of debts. Intrigued by Catiline's promises and being under the influence of his relative Lentulus Sura, he could have taken part in the meetings of the Catilinarii, but retreated from them as soon as he saw that the matter was becoming futile. Since Catiline was popular among debtors, including Antonius, and also because of their electoral alliance concluded on the eve of the elections for 63 BC, Hybrida was considered a friend of Catiline and therefore was under suspicion. Unwilling to risk, he privately made it clear to Cicero that his connections with the Catilinarii were a thing of the past. The orator convinced the senate of Antonius' loyalty and subsequently eulogized his colleague as a hero. His harsh assessment of Hybrida's activities in a speech on behalf of P. Sestius was not due to the events of 63 BC but to the political struggle that unfolded in the 50s BC, when Cicero's conduct during the consulate met sharp criticism and he was forced to defend his own decisions and the actions of his assistants, one of whom was P. Sestius, quaestor of Antonius. It is also possible that the perception of the latter's role in the events of 63 BC could also have been influenced by the subsequent enmity between Cicero and Hybrida's nephew Mark Antony.

Keywords: History of Rome, Late Republic, Catilinarian conspiracy, Caius Antonius Hybrida.

For citation: *Dymskaya D.D. Antonius Hybrida and Catilinarian conspiracy // Ancient World and Archaeology. 2023. No. 21. Pp. 191–206 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2023-21-191-206>.*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

«Об Антонии, – заявил Цицерон в речи за Сестия, – я скажу одно: в то необычайно грозное и опасное для государства время (т.е. осенью 63 г. до н.э. – Д.Д.), когда все были охвачены страхом, а кое-кто питал подозрения против него самого, Антоний не захотел ни оправдаться, опровергнув эти подозрения, ни успокоить опасения, прибегнув к притворству» (Cic. Sest. 8). Эта характеристика, данная Гибриде в связи с так называемым заговором Катилины, достаточно хорошо отражает суть проблемы, ибо роль Антония в этих событиях продолжает вызывать вопросы.

Античные авторы оценивают его поведение по-разному. Так, Цицерон, говоря о позиции Антония в отношении заговора и его участников, смещает акценты в зависимости от времени и ситуации¹, но в целом из

¹ В Первой Катилинарии Антоний напрямую не упоминается, но, по мнению Л. Ходжсон, Цицерон, горько сетуя на бездействие властей (в том числе свое собственное) косвенным образом дает понять, что причиной промедления является его коллега, ибо сам он уже давно твердил о кознях Катилины: Hodgson 2017: 125. Однако, по нашему впечатлению, из текста речи это не следует. Цицерон скорее жалуется на то, что бессилён предпринять что-либо за отсутствием надежных доказательств, поскольку без них его репутация могла серьёзно пострадать (Cic. Cat. I.2–5).

его слов явствует, что изначально Гибрида относился к заговорщикам довольно благожелательно, однако впоследствии от них отступился (Cic. Mur. 49; 84; Cat. III.14; Flacc. 94–95)². В общем ряду несколько выделяются речи 56 г. до н.э., произнесенные в защиту П. Сестия и М. Целия. В первой оратор отзывается о своем коллеге наиболее резко и дает понять, что тот *до конца* занимал двусмысленную позицию (Cic. Sest. 8), и даже когда выступил против Катилины с войском, то всячески медлил, будто бы склоняясь к тому, чтобы не давать мятежникам бой и позволить им уйти (Cic. Sest. 12). При этом квестор Антония Сестий показан как бдительный, добропорядочный гражданин, который держал своего консула под постоянным контролем и исправно доносил Цицерону обо всем, что казалось ему подозрительным. В речи же за Целия Цицерон подает версию об участии Антония в некоем «злодеянии» как слух (*opinio maleficii*) и противопоставляет его «памяти» о действительном благодеянии (*beneficii memoria*) коллеги, т.е. военной победе над Катилиной и Манлием (Cic. Cael. 74).

Думается, что подобные крайности можно объяснить сугубо прагматическими целями, которые в обоих случаях преследовал великий оратор. Что касается Сестия, то, поскольку в 63 г. до н.э. он был квестором Антония, а Антоний в 56 г. уже находился в изгнании, Цицерон в целях оправдания своего подзащитного мог спокойно превозносить его заслуги в ущерб репутации коллеги, ибо последнему эти ин-

² В Третьей речи против Катилины оратор говорит, что Антоний *laus imperititur, quod eos, qui huius coniurationis participes fuissent, a suis et a rei publicae consiliis removisset* (Cic. Cat. III.14). В.О. Горенштейн переводит это в том смысле, что Гибрида удостоился похвалы за то, что «порвал с участниками этого заговора всякие личные и официальные отношения». Однако данный перевод представляется несколько вольным и, следовательно, не вполне точно отражает смысл сказанного. Иную трактовку предлагает Н.В. Бугаева. По ее мнению, «сенат похвалил Антония за конкретное действие», а именно – за то, что тот «отстранил от своих и от общественных совещаний [людей], которые участвовали в заговоре» (Бугаева 2012: 144). В этом случае не вполне понятно, о каких совещаниях идет речь и на основании каких полномочий Антоний мог отстранить от них заговорщиков, если многие из них были сенаторами и вполне имели право участвовать в обсуждениях государственных вопросов. До ареста группы Лентула-Цетегга он не мог этого сделать, поскольку прямых доказательств существования заговора не было ни у него, ни у Цицерона, так что официальное отстранение подозреваемых от обсуждений государственных дел вызвало бы в лучшем случае недоумение; позднее же Гибрида уже не имел возможности это сделать, т.к. был отправлен с войском против Катилины и Манлия. Да и из источников следует лишь то, что ему было поручено выступить против них с войском, а теми, кто остался в Городе, занимался Цицерон. Поэтому, возможно, *consilium* было бы логичнее перевести в значении «план» или «намерение», и тогда получится, что заслугой Антония было то, что он исключил заговорщиков как из собственных планов, так и из государственных, т.е. перестал связывать надежды на личную выгоду с успехом их предприятия и списал их со счетов как потенциальных руководителей государства.

ситуации повредить уже не могли³. С Целием дела обстоят немного сложнее. Как известно, в 59 г. до н.э. он привлек Антония к суду за преступления, совершенные в Македонии (скорее всего, на основании *lex Cornelia de maiestate*), причем и обвинение, и защита, которую представлял Цицерон, делали акцент не на них, а на деятельности Антония в 63 г. до н.э.⁴ Цицерон подчеркивал заслуги Гибриды перед государством, изображая его героем, победившим Катилину на поле боя, но так и не смог добиться его оправдания. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он попытался сделать это *post factum* уже на процессе самого Целия, который помимо прочего тоже обвинялся в связях с Катилиной: упомянув о процессе Антония, Цицерон тем самым стремился показать, что тот, кто некогда преследовал по суду заговорщиков (пусть даже мнимых), не может сам быть заговорщиком (Cic. Cael. 15), но в то же время давал понять, что предъявленное Антонию обвинение было несправедливым, ибо действительные заслуги важнее, чем туманные слухи о злодеяниях. При этом любопытно, что напрямую истинность этих слухов великий оратор отрицать не стал – это вполне укладывается в картину, которую он рисовал ранее: возможно, Антоний и был некоторым образом связан с заговорщиками, но важнее то, что в конце концов он все же выбрал правильную сторону и обратился против них.

Саллюстий устами Катилины называет Антония его другом (Sall. Cat. 21.3: *familiaris*) и пишет, что Луций Сергий рассчитывал на его содействие (Sall. Cat. 21.3) или даже на подчинение (26.1). О том, какого мнения на сей счет придерживался сам Антоний, историк не сообщает, но отмечает, что «соглашением о провинциях» Цицерон помешал ему «вносить предложения во вред государству» (26.4), а из контекста следует, что эту меру он предпринял именно в связи с «кознями» Катилины (26.1–2). Поэтому есть основания полагать, что, с точки зрения Саллюстия, Антоний не был причастен к заговору; ничего не говорится и о надеждах Катилины или колебаниях Гибриды, когда дело дошло до военного столкновения между ними⁵.

Дион Кассий, напротив, не подвергает сомнению участие Антония в заговоре и считает, что тот отступился от Катилины лишь после казни группы Лентула–Цетега, когда стало ясно, что дело Луция Сергия окончательно проиграно. Сенаторы, посылая его с войском против Катилины и Манлия, о его сочувствии заговорщикам не знали (Dio

³ К тому же в 50-х гг. до н.э. деятельность Цицерона во время консулата стала подвергаться критике, так что защищал он, по сути, не только Сестия, но и свою политику.

⁴ Хрусталёв 2012: 58–59.

⁵ О Катилине он пишет просто, что тот решил «попытать счастья в бою» и «возможно скорее сразиться с Антонием», а об Антонии говорится, что он передал командование своему легату потому, что «страдал болезнью ног» (Sall. Cat. 57.5; 59.4). Версия о болезни и передаче командования впервые появляется именно у Саллюстия, причем сам он не подвергает сомнению истинность плохого самочувствия Гибриды. Подробнее этот сюжет будет рассмотрен ниже.

Cass. XXXVII.32.2–3; 33.2–3; 39.2–4). Нетрудно заметить, что версия Диона Кассия, по сути, представляет собой домыслы, основанные на умолчаниях Цицерона – по-видимому, греческий историк «амплифицировал» то, на что римский оратор лишь намекал и представил свои догадки как факт.

Плутарх полагает, что Антоний испытывал определенные финансовые затруднения и потому был заинтересован в предложении Катилины об отмене долгов, а Катилина хотел воспользоваться его нейтралитетом, ибо иной пользы от Гибриды ожидать было трудно. Однако Цицерон перетянул Антония на свою сторону, обменявшись с ним провинциями, так что в итоге в заговоре тот не участвовал (Plut. Cic. 11–12).

Остальные древние авторы упоминают Антония лишь в связи с разгромом армии Катилины, но ни слова не говорят о том, какую позицию он занимал до этого⁶.

Как видно, сообщения источников рознятся, а потому неудивительно, что и в историографии мнения по поводу возможной причастности Антония к заговору разделились. Всего можно выделить четыре основных точки зрения.

Первая основывается главным образом на фразе Цицерона из речи против Пизона (Cic. Pis. 5), а также на данных Саллюстия и Плутарха и заключается в том, что изначально Антоний был весьма расположен к Катилине, но после сделки с Цицероном перестал его поддерживать⁷.

Вторая точка зрения состоит в том, что Антоний занимал двусмысленную позицию и в зависимости от обстоятельств мог переменить на любую сторону⁸. Обстоятельства же, как известно, сложились таким образом, что ему оказалось более выгодным поддержать правящие круги.

⁶ Liv. Per. 103; App. BC. II.7.23; Eutrop. VI.15; Amp. XXVII.5; Flor. II.12.5; Cassiod. Chr. 693. Существует также беглое упоминание Плиния, который, перечисляя консульские заслуги Цицерона, в конце своего панегирика неожиданно хвалит оратора за то, что тот «проскрибировал Марка Антония» (Plin. NH. VII.117: *M. Antonium proscripsisti*). Дж. Рэмси доказывает, что текст испорчен, и читать его следует как *Antonium circumscripsi* – «сдерживал Антония», т.е. речь идет о Гае: Ramsey 2019: 793–800. Дж. Ла Буа, напротив, считает, что упоминание о Марке Антонии вполне уместно, ибо в риторических школах периода ранней империи тема противостояния Цицерона и Антония была очень популярна, и Плиний мог, несмотря на изначальное желание ограничиться похвалой только консулату, включить в текст еще и прославление последнего достижения Цицерона – его борьбы против тирании в лице Марка Антония: La Bua 2019: 72.

⁷ Rice Holmes 1923: 457–458; McGushin 1977: 151; Ramsey 2007: 135, 136; Maskau 2009: 232; Odahl 2010: 33; Бугаева 2012: 144; Kananack 2012: 83, 300; Любимова 2016: 633; Vacanti 2018: 129.

⁸ Mommsen 1882: 180; Klebs 1894: 2579; Лившиц 1960: 119.

Третья гипотеза отчасти примыкает ко второй; согласно ей, Гибрида сочувственно относился к заговорщикам, но в силу различных причин сделать для них ничего не мог⁹.

Наконец, в соответствии с последней, четвертой версией, Антоний не имел никакого отношения к заговору, ибо у него для этого попросту не было оснований – он и так уже законным путем добился всего, чего желал (стал консулом и на будущее получил богатую провинцию, управление которой помогло бы ему рассчитаться с долгами), а предположение о его участии в планах Катилины было, по-видимому, основано на сплетнях, распускавшихся его врагами¹⁰.

Предположение, будто Цицерон обменялся с Антонием провинциями, чтобы удержать от его участия в заговоре, вызывает ряд возражений. Прежде всего в то время, когда это соглашение заключалось, заговора еще не существовало, да и возможная его организация вряд ли обсуждалась, ибо Катилина был нацелен на достижение консулата законным путем и именно к этому намеревался приложить все усилия. Если же речь шла просто о несодействии Катилине, то Антоний договор нарушил, т.к., по словам Цицерона, незадолго до выборов он весьма воодушевил Катилину некими посулами (этот сюжет будет рассмотрен ниже), и великий оратор об этом знал, но соглашения не разорвал, из чего следует, что вопросы, связанные с Катилиной, по всей видимости, не входили в условия сделки. Поэтому думается, что обмен провинциями был проведен не для того, чтобы лишить Антония мотива для пособничества Катилине, а скорее чтобы разрешить текущую политическую ситуацию – заручиться нейтралитетом коллеги в борьбе вокруг выгодного для последнего законопроекта Рулла¹¹. Впоследствии Цицерон мог задним числом (речь против Пизона относится к 55 г. до н.э.) представить все так, будто благодаря этой сделке ему удалось удержать Антония именно от сотрудничества с Катилиной.

Версия об отсутствии у Гибриды мотива для участия в заговоре также представляется недостаточно убедительной, ибо он, несмотря на заманчивую перспективу македонского наместничества, явно готов был рассмотреть и другие варианты ликвидации задолженности, т.к. поддержал аналогичную инициативу одного из трибунов (Dio Cass. XXXVII.25.4), а когда Луций Сергий собрался баллотироваться в консулы на 62 г. до н.э., Антоний, как упоминалось выше, чем-то его очень воодушевил (Cic. Mur. 49). Возникает вопрос – чем? Саллюстий пишет, что Катилина ввиду их дружбы рассчитывал воспользоваться его услугами, когда станет десигнатом (Sall. Cat. 26.1), и К. Ваканти делает из этого вывод, что а) Гибрида нужен был ему именно в качестве консу-

⁹ Long 1869: 240 (потому, что его сдерживал постоянный контроль со стороны Цицерона); Drumann 1899: 393 (потому, что был вынужден скрывать свое доброе отношение к заговорщикам).

¹⁰ Gruen 1973: 302; Хрусталёв 2012: 52, прим. 13.

¹¹ Именно об этом говорил и сам Цицерон, который описывал свои успехи в борьбе вокруг законопроекта Рулла как достигнутые «на основании согласия с коллегой» (Cic. Leg. Agr. II.213); Manuwald 2018: 216–217.

ла; *b*) его содействие требовалось примерно с середины июля до конца декабря 63 г. до н.э. Развивая свою мысль, ученый заключает, что основная задача Антония как консула заключалась в невмешательстве: он не должен был препятствовать тому, что Катилина делал тайно до выборов, а также, возможно, блокировать за счет права вето те решения, которые Цицерон захочет провести против катилинариев¹². Как видно, данная гипотеза предполагает два условия: 1. Подготовка к заговору началась до поражения Катилины на выборах на 62 г. до н.э. 2. Уже тогда Антоний сочувствовал заговорщикам или даже был одним из них. Однако до поражения на выборах на 62 г. до н.э. Катилина вряд ли предпринимал какие-либо меры по организации заговора, а в случае победы у него исчез бы для этого повод; фраза о том, что Антоний не должен был мешать тайным действиям заговорщиков до выборов противоречит утверждению о том, что Катилина рассчитывал на его помощь *после* того, как станет десигнатом; наконец, предположение, будто Антоний мог использовать вето, чтобы заблокировать неудобные для катилинариев решения Цицерона, имеет смысл только если выполняются оба отмеченных выше условия¹³. На практике же не исключено, что Антоний незадолго до выборов на 62 г. вместе с Цицероном провел закон *de ambitu*¹⁴, ужесточивший наказание за незаконное домогательство должностей – закон, напрямую задевавший интересы Катилины, которому как раз предстояло баллотироваться, из чего можно сделать вывод, что на момент принятия закона никаких

¹² Vacanti 2018: 123.

¹³ Поэтому более правдоподобным объяснением саллюстиева *facile se ex voluntate Antonio usurum* представляется толкование П. Макгашина: по его мнению, причиной подобной уверенности Катилины были как особенности характера Антония, так и то, что консулы, у которых заканчивался срок службы и которым предстояло отправляться в провинции, в плане расходов, сопровождения и вооруженных сил до некоторой степени зависели от тех, кто приходил им на смену: McGushin 1977: 166.

¹⁴ Данная точка зрения основывается на комментариях схолиаста из Боббио, который каждый раз при упоминании этого закона в речах Цицерона подчеркивает, что его провели *оба* консула (Schol. Bob. 79; 140; 151; 166 St.), тогда как сам Цицерон называет автором закона только себя (Cic. Mur. 3; 5; 67; Vat. 37; Planc. 83), хотя и отмечает, что сделал это по требованию Сульпиция, который сам не мог внести законопроект в народное собрание, т.к. не занимал никакой магистратуры (Cic. Mur. 46–47). Из других античных авторов о рассматриваемом законе говорит только Дион Кассий, и то, в форме намека – «сенат постановил, главным образом по совету Цицерона, к наказаниям, установленным за подкуп, добавить изгнание на десять лет» (Dio Cass. XXXVII.29.1). Учитывая его формулировку – «главным образом по просьбе Цицерона» (τοῦ Κικέρωνος ἐς τὰ μάλιστα), можно предположить, что великий оратор был инициатором внесения закона в народное собрание, а Антоний просто выступил как *adscriptor*, и тогда становится понятно, почему Цицерон приписывал проведение закона исключительно себе: ведь в речах он не ссылался на него формальным образом (т.е. не обязан был использовать его официальное название), а потому имя коллеги можно было и пропустить.

соглашений между Катилиной и Антонием еще не было. Хотя ранее они и заключали союз, чтобы обойти Цицерона на выборах на 63 г. и достичь консулата, дело кончилось тем, что Антоний своей цели добился, а Катилина – нет. Какие соображения могли заставить Гибриду после этого помогать Луцию Сергию?

Как уже говорилось выше, у Саллюстия сказано, что Катилина считал Антония своим *familiaris*. Надо полагать, это слово для характеристики их взаимоотношений было выбрано автором не случайно, ибо чуть ранее в том же предложении Катилина у него отзывался о Пизоне и Ситтии как о своих *participes* (Sall. Cat. 21.3), из чего видно, что Саллюстий проводит четкую границу между сотрудничеством и дружбой. Однако ни в одном из сохранившихся источников ничего не говорится о совместной деятельности Антония и Катилины до борьбы за консульство на 63 г. до н.э., которая могла бы их сблизить (союз, заключенный ими против Цицерона, стоит рассматривать скорее как временное проявление *amicitia* для решения текущей задачи), или об их теплых отношениях. Молчит об этом даже Цицерон, хотя, если бы дело обстояло так, он вполне мог упомянуть о данном факте – например, в речи *In toga candida*¹⁵. Правда, в «Кратком наставлении по соисканию» Антоний и Катилина описываются как люди со сходными наклонностями и проблемами: «оба с детства убийцы, оба развратники, оба в нужде», к тому же оба знатного рода (Comm. Pet. 8, 9), но это еще не доказательство их дружбы, а лишь возможная ее причина, да и автор данного сочинения ничего не пишет об их *familiaritas*.

Таким образом, подтвердить или опровергнуть фразу Саллюстия о дружбе Катилины и Антония не представляется возможным из-за недостатка сведений. Поэтому мы бы предложили иное, не зависящее от их личных взаимоотношений, объяснение загадочной фразы Цицерона о том, чем и по какой причине Антоний мог так воодушевить Катилину – видимо, он просто пообещал ему поддержку на выборах¹⁶ в обмен на некие (скорее всего, финансовые) выгоды, о чем они могли договориться в частном порядке¹⁷.

¹⁵ Не исключено, что он и говорил нечто подобное, но эти фрагменты могли просто не сохраниться. У Аскония также нет никаких указаний на сей счет.

¹⁶ John 1876: 754.

¹⁷ Саллюстий прямо пишет, что «Катилина посулил им (своим сторонникам. – Д.Д.) отмену долгов, проскрипцию состоятельных людей, магистратуры, жреческие должности, возможность грабить и все прочее, что несут с собой война и произвол победителей»: Sall. Cat. 21.2. Однако наш главный источник, Цицерон, ограничивается лишь намеками на связь заговора с *tabulae novae*, причем делает это только в письмах (Cic. Fam. V.6.2; Cic. Q. Fr. I.1.6) и в трактате «Об обязанностях» (Cic. Off. II.84), а в речах против Катилины обходит этот сюжет подозрительным молчанием и лишь во второй Катилинарии, сообщает, что Луция Сергия поддерживали разного рода должники, но ничего не говорит о намерениях или обещаниях самого Катилины в отношении долгов: Cic. Cat. II.17–20). Это заставляет предположить, что, хотя Луций Сергий в самом деле мог в частных разговорах обнадеживать некоторых своих соратников подобными перспективами, го-

Так или иначе, Катилина проиграл и после этого, вероятно, начал обсуждать со своими сторонниками несправедливость текущей политической ситуации и, возможно, иные способы достижения власти. В этой связи важно отметить, что самый высокопоставленный соратник Луция Сергия – действующий претор П. Корнелий Лентул Сура – был родственником Гибриды (Plut. Ant. 2.1). Посему думается, что, когда эти обсуждения начались, Лентул вряд ли упустил бы возможность привлечь к ним своего шурина-консула, ибо тот в силу своей должности мог оказаться весьма ценным союзником. Это, а также заинтересованность Антония в отмене долгов делают версию о его участии в собраниях катилинариев вполне допустимой. Однако стоит подчеркнуть, что участие в обсуждениях и участие в заговоре – не одно и то же, а кроме того, непонятно, что этот заговор собой представлял и был ли он вообще, ибо о *намерениях* катилинариев мы знаем только со слов Цицерона¹⁸, а об их *деятельности* до отъезда Луция Сергия из Города неизвестно ничего, поскольку заговорщики ничего и не предприняли. Судить же на основании слов политического противника о том, что они *могли* или *хотели* сделать, было бы весьма недальновидно.

Тем не менее, если верить Цицерону, в какой-то момент Гибрида одумался и перестал связывать с катилинариями свои надежды на будущее (Cic. Cat. III.14). Когда и по какой причине это могло произойти? Касательно даты было бы логично предположить, что Антоний отступился от катилинариев до того, как ему поручили выступить против Луция Сергия с войском (Sall. Cat. 36.2–3), поскольку в противном случае армию ему бы не доверили. Правда, в речи за Сестия Цицерон говорит, будто лишь давление со стороны легата Антония Петрея и все того же Сестия, отправившегося вслед за своим консулом с собственным войском, смогло побудить Гибриду к решительным военным действиям против Катилины (Cic. Sest. 12). Однако думается, что если бы сенат не был уверен в лояльности Гибриды, то это задание просто с самого начала дали бы кому-нибудь другому, ибо, как отмечает О.В. Любимова, «в рассматриваемое время имелось достаточно должностных лиц, наделенных империем: в городе было восемь преторов, пятеро из которых затем действительно боролись с мятежниками в Италии и Риме, а в окрестностях Города ожидали триумфа два проконсула, которые также получили поручения охранять отдельные области Апеннинского полуострова (Sall. Cat. 30.3)»¹⁹. Так что в данном случае Цицерон, по-видимому, просто преувеличил заслуги Сестия за счет репутации своего коллеги. Следовательно, «отречение» Антония должно было состояться до середины ноября 63 г. и выгля-

ворить о планируемой им *всеобщей* отмене долгов или о том, что он проводил соответствующую предвыборную агитацию, было бы преувеличением.

¹⁸ Арпинат приписывал им стремление 28 октября устроить в Городе резню, 1 ноября – захватить Пренесте, стратегически важный город вблизи Рима, а 7 ноября – убить его, консула (Cic. Cat. I.7–9).

¹⁹ Любимова 2016: 633.

деть таким образом, чтобы ни у кого не осталось сомнений в том, на чьей он стороне.

Что же касается причины, то, думается, ключевую роль здесь сыграло заседание сената 21 октября 63 г. до н.э. По версии Цицерона, в этот день он доложил сенату, что 27 октября в Этрурии начнется восстание под руководством Гая Манлия, и это заставило «отцов» вынести SCU (Cic. Cat. I.7)²⁰. У Плутарха же и Диона Кассия поводом к вынесению SCU становится не только весть о мятеже (о котором сообщает не Цицерон, а преторий Кв. Аррий), но и некие анонимные письма, доставленные в ночь с 20 на 21 октября Крассу и предупредившие его и других влиятельных сенаторов о готовящейся в Городе резне (Plut. Cic. 15; Crass. 13.5; Dio Cass. XXXVII.31.1–2), причем сообщение о проблемах в Этрурии было сделано после того, как адресаты по приказу Цицерона вслух зачитали розданные им письма, и все убедились, что их содержание одинаково и, следовательно, что опасность внутри Города существует.

Надо сказать, что Цицерон о письмах знал: согласно Плутарху, эта история фигурировала в его не дошедшем до нас сочинении «О своем консульстве» (Plut. Crass. 13.5), а вот почему он не упомянул об этом инциденте в современных событиям речах, – вопрос отдельный. Вполне вероятно, что он не стал заострять на нем внимание потому, что тогда это было довольно рискованно, т.к. ситуация еще не разрешилась, а упоминание о письмах могло задеть адресатов. Относительно правдивости истории с письмами в науке высказывались различные точки зрения, но поскольку этот вопрос выходит за рамки нашего исследования, отметим лишь, что мы склонны согласиться с теми учеными, которые считают данный инцидент интригой Цицерона, призванной добиться открытого разрыва Красса с заговорщиками и получить от сената чрезвычайные полномочия²¹.

Если это действительно так, то вся эта интрига могла быть на руку Цицерону, ибо не исключено, что вынужденное предательство Красса и вынесение SCU повлияли и на Антония. Из этих двух фактов Гибрида мог сделать вывод, что Катилине, каковы бы ни были его замыслы, рассчитывать теперь не на что, а чрезвычайные полномочия – вещь слишком серьезная, чтобы подвергать себя риску, продолжая общаться с теми, кого могут счесть участниками заговора²². Не ис-

²⁰ При этом Цицерон сам себе противоречит: в Первой Катилинарии (§ 7), произнесенной 8 ноября, он сначала говорит, что SCU было вынесено 20 дней назад (Cic. Cat. I.4), а потом – что о восстании Манлия он предупреждал за 11 дней до ноябрьских календ. Асконий (6 Cl.) же пишет, что SCU было вынесено за 18 дней до Первой Катилинарии, так что, скорее всего, Цицерон просто округлил дату: Дуск 2008: 73.

²¹ Любимова 2016: 634–635 (с указанием предшествующей литературы). С точки зрения самой О.В. Любимовой неизвестно, действительно ли Цицерон так сделал, но Красс был в этом убежден: Любимова 2016: 635, 637, 639.

²² Именно поэтому мы не можем согласиться с Дионом Кассием (XXXVII.39.2–3), который считает, что Антоний окончательно отступился от

ключено, что, придя к такому решению, он каким-либо образом – возможно, через своего квестора – дал знать об этом Цицерону, и тогда тот смог отозвать Сестия, в котором для шпионажа за коллегой больше не нуждался (ибо теперь Цицерон был в нем вполне уверен), и отправить его разбираться с проблемами в Капуе (Cic. Sest. 9)²³.

Затем после произнесенной 7 ноября Первой Катилинарии Катилина покинул Город; когда же стало известно о том, что он отправил в лагерь Манлия знаки власти высших магистратов (Cic. Cat. II.13), а вскоре (приблизительно в середине ноября) сам туда прибыл, обоих мятежников объявили врагами (Sall. Cat. 36.1–2). К этому времени Цицерон, по-видимому, успел убедить сенат в лояльности Антония, так что тот получил сначала приказ выступить с войском против мятежников (Sall. Cat. 36.1–3; Plut. Cic. 16; Dio Cass. XXXVII.33.3), а позднее, когда была захвачена группа заговорщиков внутри Города, которых возглавлял родственник Гибриды Лентул, – особую благодарность за то, что выбрал правильную сторону (Cic. Cat. III.14).

Решающая битва состоялась в феврале 62 г. до н.э. при Пистории. Катилина оказался в стратегическом мешке, так как Метелл Целер с тремя легионами преградил ему путь с севера (Sall. Cat. 57.2), а с юга уже наступал Антоний (Cic. Sest. 12; Sall. Cat. 57–58) и Луций Сергий, как известно, предпочел сразиться именно с последним. Чем был обусловлен его выбор? Многие ученые разделяют мнение Диона Кассия, что Катилина полагал, будто Антоний, памятуя об их былой дружбе, «даст себя победить» (XXXVII.39) и позволит мятежникам уйти, а вот от Метелла ждать ничего подобного не приходилось²⁴. Однако нам

Катилины лишь поле казни группы Лентула–Цетега, когда увидел слабость Катилины и бесперспективность его дела, ибо очевидно, что подобное наблюдение Гибрида мог сделать гораздо раньше.

²³ У Саллюстия в Капуу едет претор Кв. Помпей Руф (Cat. 30.5). Возможно, на самом деле туда отправились они оба, и Сестий играл при Руфе вспомогательную роль, а Цицерон просто не стал упоминать о преторе, так как его задачей было оправдание Сестия. Однако действительно ли Капуя находилась под угрозой, сказать сложно. Цицерон (Sest. 9) говорит, что отправил туда Сестия потому, что, «как мы (т.е., по-видимому, сенат и консул. – Д.Д.) подозревали», на город собирался напасть отряд неких «нечестивых преступников». Тем самым оратор, по сути, признает, что его решение основывалось не на точных сведениях, а лишь на домыслах, что само по себе странно, учитывая наличие у него надежных информаторов. Саллюстий же и вовсе считает сообщение о готовящемся в Капуе восстании следствием паники, охватившей Город после известия о мятеже Манлия, и приравнивает эту весть к слухам о чудесах, полагая, что она заслуживает ровно такого же доверия (Sall. Cat. 30.2). Если дела в самом деле обстояли таким образом, то не исключено, что великий оратор просто решил сыграть на начавшейся панике и, с одной стороны, усилить ее, показав, что опасность действительно существует, а с другой – выступить в роли бдительного и заботливого консула, который держит все под контролем и может спасти сограждан от любой беды.

²⁴ Stern 1883: 149; Drumann 1899: 393, 180; Gelzer 1926: 1710; Sumner 1963: 217; McGushin 1977: 280. Г.М. Лившиц формулирует это более мягко: по его

представляется маловероятным, чтобы Катилина мог рассуждать подобным образом: во-первых, вопрос о его дружбе с Антонием достаточно спорен, во-вторых, как мы уже отмечали, не исключено, что Антоний отступился от Катилины гораздо раньше и Луций Сергий мог об этом догадываться, а в-третьих, Катилина должен был понимать, что мало кто станет поддерживать проигравших, да еще в ущерб собственной репутации (иначе как бы Антоний потом объяснил свои действия сенату?). Поэтому думается, что Луций Сергий просто осознал, что «ни на бегство, ни на поддержку никакой надежды нет» и что «в таком положении лучше всего попытаться счастья в бою», а поскольку с имеющимися у него силами шансы на победу в сражении с любым из противников были ничтожно малы, логичнее сразиться с тем, кто находится ближе (Sall. Cat. 57.4–5)²⁵.

Что же касается самого Антония, то сообщения античных авторов о его роли в битве при Пистории противоречивы. Цицерон почти всегда изображает его героем, разбившем в бою Катилину; лишь в речи за Сестия он, как отмечалось выше, приписывает ему почти преступную нерешительность и делает его вступление в битву заслугой Петрея и Сестия, однако о том, сам ли Антоний повел войско в битву или передал командование другому, умалчивает. Саллюстий утверждает, что Антоний страдал болезнью ног (*pedibus aeger*) и в потому передал командование своему легату Петрею (Sall. Cat. 59.4), а Дион Кассий, развивая мысль Саллюстия, цинично заявляет, что на самом деле ничего у Антония не болело, и он лишь симулировал плохое самочув-

мнению, Катилина как раз и рассчитывал, что против него отправят именно Антония и надеялся на «косвенную, либо открытую помощь» с его стороны (Лившиц 1960: 129). Э. Клебс считает, что Антоний в самом деле готов был так поступить, но его сдерживал усиленный контроль со стороны оптиматов в лице Сестия (Klebs 1894: 2579).

²⁵ По мнению Дж. Самнера, Антоний не мог быть рядом, когда Катилина узнал о том, что с севера путь ему преграждает Метелл, поскольку это означало бы, что либо Метелл подошел слишком близко к Пистории, либо Антоний – к Бононии, что противоречит дальнейшим сведениям Саллюстия, а кроме того, весьма проблематично при наличии больших армий и в зимних условиях. Поэтому ученый считает, что Катилина просто повернул назад и пошел навстречу Антонию, понадеявшись, что тот не станет сражаться в полную силу. Антоний же все это время оставался возле Фезул, и только когда в конце декабря приехал Сестий и стал его подгонять, он двинулся в сторону Пистории (Sumner 1963: 217). Однако именно эта версия как раз и противоречит Саллюстию, который прямо пишет, что Антоний следовал за Катилиной по пятам и потому был близко (Sall. Cat. 57.4: *Neque tamen Antonius procul aberat, utpote qui magno exercitu locis aequioribus expeditos in fuga sequeretur*). Если же перевести *utpote qui* в значении «поскольку», а не «учитывая, что» (как это делает, напр., Дж. Рэмси (Ramsey 2007: 220–221), то можно получить объяснение, как это оказалось возможным, несмотря на то, что у Антония была большая армия, а Катилина шел налегке: Антоний двигался быстрее потому, что шел не «через малодоступные горы» (Sall. Cat. 57.1: *per montis asperos*), а по ровной местности (*locis aequioribus*): Kraggerud 2007: 57.

вие, так как опасался, будто Катилина увидит, как охотно сражаются его солдаты, и «может упрекнуть его», а также «рассказать некоторые их секреты» (Dio Cass. XXXVII.39.4). Наконец, эпитоматор Ливия, Аппиан и некоторые позднеантичные авторы, не вдаваясь в подробности, приписывают лавры победы исключительно Гибриде – вероятно, потому что войском командовал именно он²⁶.

Сразу отметим, что версия Саллюстия представляется нам наиболее правдоподобной. В других источниках обозначенная у него подробность могла быть пропущена либо по политическим соображениям (Цицерон), либо вследствие незначительности для повествования в целом. Мотивация же Гибриды, предложенная Дионом Кассием, выглядит весьма сомнительно. Трудно представить себе, как Катилина стал бы упрекать вражеского полководца во время битвы или выдавать кому-то (кому?) их общие секреты. В науке иногда считается, что Антоний просто не хотел обращать оружие против старого друга²⁷ – видимо, потому что надеялся победить его чужими руками и таким образом остаться на хорошем счету у обеих сторон. В этом случае не слишком понятно, зачем ему было заботиться о своей репутации в глазах побежденных²⁸ – ведь особой сентиментальностью, насколько можно судить по его действиям, коллега Цицерона не отличался.

В.К. Хрусталёв допускает, что Антоний, не блиставший полководческими талантами, просто не рискнул брать на себя командование в столь важном сражении и передал его более компетентному военачальнику²⁹. Однако здесь надо учитывать, что армия Гибриды численно превосходила войско Катилины³⁰ и, надо полагать, была лучше

²⁶ Liv. Per. 103; App. BC. II.7; Eutrop. VI.15; Amp. 27.5; Flor. II.12.5; Cassiod. Chr. 693.

²⁷ Mommsen 1882: 192; Stern 1883: 150; Drumann 1899: 393–394; MacKay 2009: 235; Kananack 2012: 26 (82, n. 105 – с оговоркой, что таковы сведения Диона Кассия и что только у него болезнь Антония характеризуется как притворство. При этом само сообщение греческого автора критике не подвергается).

²⁸ По словам Цицерона, сами катилинарии считали Антония предателем и, когда в 59 г. до н.э. Гибрида был привлечен к суду и признан виновным, катилинарии в знак радости украсили кенотаф Луция Сергия цветами и устроили пиршество (Cic. Flacc. 95). Однако точная дата осуждения Антония неизвестна; если она совпала с Паренталиями, то украшение кенотафа и пир могли быть просто традиционным поминовением усопшего, а не празднованием приговора Гибриде, тогда как Цицерон изобразил все это как ликование злодеев из-за осуждения героя.

²⁹ Хрусталёв 2012: 52, прим. 15. П. Макгашин не утверждает это напрямую, но разделяет точку зрения Диона Кассия о том, что болезнь была притворной и отмечает, что военачальником Гибрида «в любом случае был исключительно неудачливым»; McGushin 1977: 285.

³⁰ Саллюстий просто пишет, что у Антония было большое войско (Cat. 57.4). По словам Диона Кассия, Гибрида «имел больше сил», чем Метелл (XXXVII.39.2), а Метелл, если верить Саллюстию, располагал тремя легионами (Cat. 57.2). У Катилины же с Манлием изначально было около 2000 человек, и Луций Сергий

оснащена³¹, что значительно повышало шансы Антония на победу и, думается, должно было внушить ему некоторую уверенность³². Вот почему мы склонны полагать, что он мог *на самом деле* заболеть³³, а из-за сказанного Цицероном в речи за Сестия его болезнь могли счесть не слишком убедительным предложением³⁴.

Подведем итоги. Ситуация видится следующей: Антоний, несмотря на соглашение с Цицероном, предполагавшее передачу ему после консулата управление богатой провинцией, охотно рассматривал и иные пути избавления от долгов. Заинтересованный обещаниями Катилины, под влиянием своего родственника Лентула Суры он мог принять участие в собраниях катилинариев, однако отступился от них, как только увидел, что это становится слишком бесперспективно и опасно, ибо в результате проведенной Цицероном интриги Красс был вынужден пойти на открытый разрыв с заговорщиками, а сенат принял SCU. Поскольку же Катилина пользовался популярностью среди должников, к каковым относился и Антоний, а также из-за предвыборного союза, заключенного им с Луцием Сергием накануне выборов на 63 г. до н.э., Гибрида мог считаться другом Катилины и потому находиться под подозрением. Не желая рисковать, он поспешил его развезть, частным образом дав понять Цицерону, что его связи с катилинариями остались в прошлом. Великий оратор принял это к сведению и, очевидно, убедил в лояльности Антония сенат, так что, когда пришло время, именно Гибрида был отправлен с войском против мятеж-

сформировал из них два легиона, а затем пополнил состав этих легионов до нужной численности за счет новоприбывших (Sall. Cat. 56.2).

³¹ Мы не имеем данных о ситуации в войске Антония, но зато известно, что армия Катилины была экипирована очень скверно (Sall. Cat. 56.3). Да и сам Луций Сергий говорит у Саллюстия о недостатке зерна и припасов (Sall. Cat. 58.6). Несмотря на то, что его речь явно не подлинная, исключать вероятность существования подобных проблем все же не стоит, поскольку для описания состояния (и передвижения) армии Катилины, Саллюстий, очевидно, обращался к отчетам магистратов, принимавших участие в подавлении мятежников, и к собранным ими разведанным: Lewis 1988: 39.

³² О состоянии армии Катилины он вполне мог узнать из донесений разведчиков или от перебежчиков.

³³ Т. Моммзен считает, что, поскольку Саллюстий был цезарианцем и писал при триумвирах, то его сообщение о болезни Гибриды следует расценивать как попытку обелить дядю Марка Антония (Mommsen 1882: 195, Anm.). Однако это маловероятно, поскольку отчима триумвира, Лентула, Саллюстий ни в коей мере не оправдывает (Cat. 55.5), а об отце и вовсе отзывался критически (Hist. II.3): Stone 1999: 49, п. 2. Возможно, у Антония была просто обычная подагра, поскольку он, как известно, отличался неводержанностью в употреблении спиртного (Quint. Inst. or. IV.2.123; Batstone 2010: 7). Дж. Лонг принимает версию о болезни, но никак ее не комментирует (Long 1869: 360).

³⁴ Ч. Одэл приводит все три варианта – болезнь, нежелание сражаться со старым другом и страх перед встречей в бою с разъяренной Катилиной – и отмечает, что каждый из них имеет право на существование, а как обстояли дела в действительности, неизвестно (Odahl 2010: 69).

ников, а Цицерон остался «подавлять заговор» дома. Впоследствии в своих речах он (защищая собственную политику) превозносил Антония как героя, разбившего врагов государства на поле боя, но в то же время мягко упрекал коллегу за его бывшее сочувствие катилинариям, и этот взгляд получил отражение в последующей традиции. Резкая же оценка, данная великим оратором деятельности Антония в речи за Сестия, была связана не с событиями 63 г. до н.э., а с политической борьбой, развернувшейся в 50-х гг. до н.э., когда действия Цицерона во время консулата подверглись серьезной критике и он оказался вынужден защищать свои решения и своих помощников, одним из которых был квестор Антония Сестий. Ради его (и своего) оправдания Цицерону пришлось отчасти пожертвовать репутацией бывшего коллеги и при помощи различных намеков преувеличить степень его вовлеченности в заговор, что позднее в более открытой форме проявилось в сочинении Диона Кассия. Не исключено также, что на восприятие роли Гибриды в событиях 63 г. до н.э. могла повлиять и последующая вражда Цицерона с его племянником Марком Антонием³⁵.

Литература/References

- Бугаева Н.В.* 2012. Кого Тит Ливий считал победителем при Пистории? // Восток, Европа, Америка в древности. Сборник научных трудов XVII Сергеевских чтений. М. С. 143–149 [*Bugaeva N.V.* 2012. Kogo Tit Liviy schital pobeditelem pri Pistorii? // Vostok, Evropa, America v drevnosti. Sbornik nauchnykh trudov XVII Sergeevskikh chteniy. Moskva. S. 143–149].
- Лившиц Г.М.* 1960. Социально-политическая борьба в Риме 60-х гг. I века до нашей эры и заговор Катилины. Минск. [*Livshits G.M.* 1960. Sotsialno-politicheskaya bor'ba v Rime 60-kh gg. I veka do nashey ery i zagovor Katiliny. Minsk].
- Любимова О.В.* 2016. За что Красс возненавидел Цицерона (Plut. Crass. 13.3–5)? // ВДИ. № 3. С. 626–641 [*Liubimova O.V.* 2016. Za chto Krass voznenevidel Tsitserona (Plut. Crass. 13.3–5) // Vestnik drevney istorii. № 3. S. 626–641].
- Хрусталёв В.К.* 2012. К вопросу о суде над проконсулом Македонии Гаем Антонием Гибридой в 59 г. до н.э. // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 1 (35). С. 49–61 [*Khrustalev V.K.* 2012. K voprosu o sude nad prokonsulom Makedonii Gaiem Antoniem Gibridoi v 59 g. do n.e. // Problemy istorii, filologii, kultury. Vyp. 1 (35). S. 49–61].
- Batstone W.W.* 2010. (ed., transl.). Sallust: Catiline's Conspiracy; The Jugurthine War; Histories. Oxf.
- Buongiorno P.* 2003/4. Gaio Antonio. Hybrida: una biografia (Diss. Laur.).
- Drumann W.* 1899. Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung. Bd. I. B.
- Dyck A.R.* 2008. Cicero: Catilinarians. Cambr.
- Gelzer M.* 1926. Sergius (Catilina) // RE. Hbd. 27. Stuttgart. S.1693–1711.
- Gruen E.S.* 1973. The trial of C. Antonius // Latomus. T. 32. P. 301–310.
- Hodgson L.* 2017. Res Publica and the Roman Republic. «Without Body or Form». Oxf.
- John C.* 1876. Die Entstehungsgeschichte der Catilinarischen Verschwörung; ein Beitrag zur Kritik des Sallustius. Besonderer Abdruck aus dem achten Supplementbande der Jahrbücher für classische Philologie. Leipzig.

³⁵ Buongiorno 2003/4.

- Kananack C.H.E.* 2012. Reconsidering «The Conspiracy of Catiline»: Participants, Concepts, and Terminology in Cicero and Sallust. PhD Diss. Exeter.
- Klebs E.* 1894. Antonius // RE. Bd. I. Hbd. 2. Stuttgart. Sp. 2577–2582.
- Kraggerud E.* 2007. Grammar and Interpretation at Sallust. Cat. 57.4 // *Symbolae Osloenses*. Vol. 82.1. P. 55–57.
- La Bua G.* 2019. Cicero and Roman Education: The Reception of the Speeches and Ancient Scholarship. Cambr.; N.Y.
- Lewis R.G.* 1988. Inscriptions of Amiternum and Catilina's Last Stand // *ZPE*. Bd. 74. P. 31–42.
- Long G.* 1869. Decline of the Roman Republic. Vol. III. L.
- Mackay Chr.S.* 2009. The Breakdown of the Roman Republic: From Oligarchy To Empire. N.Y.
- Manuwald G.* 2018. Cicero: Agrarian Speeches. Oxf.
- McGushin P.C.* 1977. Sallustius Crispus, *Bellum Catilinae*: a Commentary (*Mnemosyne Suppl.* XLIV). Leiden.
- Mommsen Th.* 1882. *Römische Geschichte*. Bd. III. B.
- Odahl Ch.* 2010. Cicero and the Catilinarian Conspiracy. N.Y.
- Ramsey J.T.* 2007. Commentary // Sallust's *Bellum Catilinae*. Oxf.
- Ramsey J.T.* 2019. Did Cicero 'Proscribe' Marcus Antonius? // *The Classical Quarterly*. Vol. 69. Issue 2. P. 793–800.
- Rice Holmes T.* 1923. *The Roman Republic and the Founder of the Empire*. Oxf.
- Stern E. von.* 1883. *Catilina und die Parteikämpfe in Rom der Jahre 66–63*. Dorpat.
- Stone M.* 1999. Tribute to a Statesman: Cicero and Sallust // *Antichthon*. Vol. 33. P. 48–76.
- Sumner G.V.* 1963. The Last Journey of L. Sergius Catilina // *CIPh*. Vol. 58. No. 4. P. 215–219.
- Vacanti C.* 2018. *I Catilinari. Progetto di una congiura*. Napoli.

Поступила в редакцию / Received 23.01.2023.

Принята к публикации / Accepted 31.01.2023.

Опубликована / Published 27.04.2023.